

- ²³ Там же.
- ²⁴ Erckert von R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895, 294.
- ²⁵ Абуладзе И. В. Словарь..., 329.
- ²⁶ Гигинейшвили Б. К. Картвельские этимологии. — Вестн. АН Груз. ССР, 1972, 3, 153 (на груз. яз.).
- ²⁷ Надарейшвили Л. А. Группа звукоподражательных слов с комплексом *չ* // *չկ* в картвельских языках. — В кн.: Вопросы структуры картвельских языков. Тбилиси, 1974, вып. 4, 147.
- ²⁸ Абуладзе И. В. Словарь..., 36.
- ²⁹ Геленидзе Л. Ш. Лексика..., 115.
- ³⁰ Топуриа В. Т. Фонетические наблюдения над картвельскими языками. 1. — В кн.: Обозреватель. I. Тбилиси, 1926, 203 (на груз. яз.).
- ³¹ Абуладзе И. В. Словарь..., 453.
- ³² Жегети С. М. Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949, 130 (на груз. яз.).
- ³³ Рогава Г. В. Фонетические варианты окаменелого аффикса картвельских языков и состав грузинского слова *zeca* 'небо', — Тр. Кутаис. гос. пед. ин-та им. А. Цулукидзе, XI, 1952—1953, 61 (на груз. яз.).
- ³⁴ Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, 144.
- ³⁵ Геленидзе Л. Ш. Лексика..., 164.
- ³⁶ Гигинейшвили Б. К. Картвельские этимологии..., 151—152.
- ³⁷ Tseretheli M. Das Sumerische und das Georgische. — Bedi Karthlisa. Revue de Karthvélologie, 32—33, 1959, 95.
- ³⁸ Erckert von R. Die Sprachen..., 296.
- ³⁹ Wardrop O. English-Svanetian Vocabulary. — Journ. of the Royal Asiatic Soc., 1911, July, 594.
- ⁴⁰ Мачавариани Д. А. Из истории лексики картвельских языков. IV. К вопросу о занском соответствии грузинской основы *շver-*. — Тр. Кутаис. гос. пед. ин-та им. А. Цулукидзе. XXXIII, 1970, 92—96 (на груз. яз.).
- ⁴¹ Гигинейшвили Б. К. Картвельские этимологии..., 150—151.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

ОБ ОДНОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ТЕРМИНЕ
(«МОЛОТИЛЬНАЯ ДОСКА»)
В ЯЗЫКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Мировому земледелию известны различные, древние в своей основе, традиционные способы молотьбы. Одним из них является использование специальных молотильных досок. Так, в Передней Азии молотят при помощи досок, усеянных острыми зубьями, или гоняя лошадей по снопам¹, в то время как в других культурно-исторических регионах либо прогоняют скот по снопам, либо молотят цепами, либо обивают снопы о решетку². При этом в египетском земледелии, изучение которого, по мнению ученых, позволяет восстановить картину возникновения и развития земледелия вообще, до сих пор для молотьбы употребляют цепы или нурег (араб. — Г. Г.) — молотильную доску с металлическими дисками или с каменными зубьями³.

Молотильные доски использовались также и народами Кавказа — горными чеченцами, азербайджанцами (*вель*), в равнинных районах Грузии (*kevri*), у армян (*кат*). У кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, части горных чеченцев

и у ингушей, а также в горной Грузии применялся старый горский способ молотьбы: несколько пар крупного рогатого скота гоняли по разложенным снопам, в то время как кабардинцы и черкесы (с конца XIX в.), моздокские осетины, плоскостные чеченцы и ингуши молотили каменным катком, заимствованным у соседей-казаков⁴. С. Г. Гмелин, будучи в Дагестане, описал «особливый способ молоть хлеб двумя досками в виде полозьев с вбитыми в нижней части небольшими острыми камнями»⁵. Еще в первой половине XIX в. у кумыков «молотьба производилась при помощи усаженных камнями молотильных досок (*балбулар*). . .»⁶ *Болба* (*балба*) — «молотило, большой деревянный валек из толстой пластины, в которую с нижней стороны вкоты куски железа, битый чугун и т. п.» — известна и терским (гребенским) казакам⁷.

О достаточной древности использования этого земледельческого орудия народами Кавказа свидетельствует тот факт, что при археологических раскопках в Армении встречаются каменные молотильные доски XIII—XII вв. до н. э.⁸, а в Дагестане «не исключено, что в конце III тыс. до н. э. уже начали применять молотильные доски, достоверность которых археологически засвидетельствована для последующего бронзового века»⁹. Использование молотильных досок, таким образом, носит древний характер и ограничивается египетско-переднеазиатско-кавказским ареалом.

По мнению А. А. Селимова, «наличие слова *балба* только в терских говорах наводит на мысль, что оно могло проникнуть в исследуемый говор из одного какого-либо языка местных народов, в котором это слово представлено в следующем виде: кумык. *балбу*, ногай. *малмы*, чеч. *балба*, аварск. *луби* (мн. ч.), *лолен* (ед. ч.). В некоторых аварских диалектах это слово встречается в виде *булби* (мн. ч.), *болен* (ед. ч.). Во всех перечисленных языках исследуемое слово имеет значение ‘молотильные доски’. Данное слово в кумыкском и ногайском языках, на наш взгляд, является элементом кавказско-iberийской лексики. Русская форма *балба*, как мы полагаем, восходит к наиболее близкому к ней чеченскому слову. Однако не исключена возможность, что в усвоении alexандрийцами слова *балба* некоторое влияние оказал и кумыкский язык»¹⁰.

Обращаясь к собственно кавказским языковым фактам, следует отметить, что в вайнахских диалектах имеем чечен. *балба*, ингуш. *каток//оардниI*, акк. *балб*, кистин. *эрхIнел*, итум. *болб* ‘каток для молотьбы’¹¹. В дагестанских языках основы со значением ‘молотильная доска’ и ‘молотьба’ возводятся к двум основным генетически не родственным источникам происхождения: 1) ‘молотильная доска’ — арчин. *лоромул, илI*, андийск. *лелен*; крыз. *валь*; бежт. *мой, мур*; ‘молотьба’ — андийск. *лоли*; хварш. *лоло*; авар. *ладей* (ср. авар. *лолен* ‘молотильная доска’); гунзигб. *рэл*; бежт. *рал, йал*; рутул. *йир*; цахур. *вара*; 2) ‘молотильная доска’ — рутул. *ниггре*, цахур. *негрā*, табас. *ггар, ггаж*; ‘молотьба’ — лезг. *гатун, дарг. дег, дугени*¹²; которые не включаются в состав реконструируемых общедагестанских основ¹³. При этом обращает на себя внимание интересная близость отмеченного егип. (араб.) *нурег* и второй группы дагестан-

ских основ, прежде всего рутул. *ниггре* и цахур. *негра*, а также крыз. *ваъл*, цахур. *вара* и азерб. *вал*, *вэл*, *вял* ‘молотильная доска’, отмеченного в словаре С. П. Зелинского¹⁴. Кроме того, цез. *мелъи*, хварш. *мелъа*, гинух. *милъе*, гунзиб. *мылу*, бежт. *мой* ‘молотильная доска’ возводятся к и.-е. **mel-* ‘раздроблять, крошить, бить, молоть’ (рус. *молоть*, *молотить*)¹⁵. Осетинское *k'ewri/k'ewre* ‘молотильное орудие (доска, подбитая камнями)’ заимствовано из груз. *kevri* ‘молотильная доска’ (Абаев I, 632), не включаемого в состав обще-картвельских и грузинско-занских основ (ср. Клинов).

Приведенные выше лексические факты языков народов Северного Кавказа и соседних регионов, относящиеся к обозначению рассматриваемой реалии, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых периферийные лексические формы носят заимствованный из соседних языков характер: кроме осетинского слова, усвоенного из грузинского языка (ср. арм. *կատ*), к ним могут быть отнесены чеченские и тюркские лексемы (авар. *диал. болен — булби* → итум. *болб* → чечен. *балба* → акк. *балб*; авар. *диал. болен — булби* или чечен. *балба* → кумык. *балбу* → ногайск. *малмы*, где *м*-начальное ногайского слова — репрезентант общетюркского начального *б*). В то же время неясен непосредственный кавказский источник азербайджанского слова, так как крыз. *ваъл* и цахур. *вара* могли быть усвоены из азербайджанского в силу известной интенсивности влияния последнего на названные языки. И во-вторых, лексические формы дагестанских языков образуют, по всей видимости, две изоглоссы (аваро-андо-дидойскую и лезгино-даргинскую) с иноязычными параллелями (егип. -араб. *нурег* и и.-е. **mel-*), анализ отношений которых составит цель дальнейшего их изучения.

Примечания

- ¹ Основы этнографии. М., 1968, 168.
- ² Там же, 180, 196, 207, 229, 262, 274, 318 и др.
- ³ Там же, 135.
- ⁴ См.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1, 145, 204, 234, 245, 273, 303, 349, 376; 2, 1962, 63, 241, 443.
- ⁵ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785, ч. III, пол. 1, 20.
- ⁶ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, 67.
- ⁷ Карапулов М. А. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. — Сб. ОРЯС, 71, № 7. СПб., 1902, 50.
- ⁸ См.: Народы Кавказа, 2, 443; Основы этнографии, 298.
- ⁹ История Дагестана. М., 1967, т. 1, 46.
- ¹⁰ Селимов А. А. Иноязычные (турецкие) лексические элементы в лексике русских говоров Дагестана. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1966, 14; 9–10: заимствование XIX–XX вв.
- ¹¹ Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975, 229.
- ¹² Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, 68–69.
- ¹³ См.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
- ¹⁴ Зелинский С. П. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889, 16.
- ¹⁵ Джакуян Г. Б. Взаимоотношение хуррито-урартских, индоевропейских и кавказских языков. Ереван, 1967, 149.